

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверситета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altay State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabiako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

A. V. Polaykov doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and
Technical Council of Altai State University. All rights
reserved. No publication in whole or in part may
be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. Registered with
the RF Committee on Printing. Registration
certificate PI № ФС 77-78911. Registration date
07.08.2020 г.*

Editorial office address: 656049, Altai region,
Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state
University, Department of regional studies of
Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сериков Ю. Б.</i> Махтыльский холм — древнее святилище на реке Сосьва	7
<i>Серегин Н. Н., Демин М. А., Радовский С. С.</i> Захоронение лошади раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай)	22
<i>Котеньков С. А., Пилипенко С. А., Попов К. Ю.</i> Зубная щетка из грунтового могильника Маячный Бугор-I (историко-археологический аспект и реконструкция)	34
<i>Ярков А. П.</i> Археологические исследования «исламских» памятников Северной Азии	51

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Копылов И. В., Хоменко Д. Ю.</i> Репродуктивная стратегия коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. (по материалам священников-миссионеров)	70
<i>Степанова О. Б.</i> «Все люди — дети великого Корга»: медведь как квинтэссенция архаических взглядов на животное в мировоззрении селькупов	85
<i>Рыблова М. А.</i> Культурные заимствования в традиции донских казаков	99

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ильин В. Н.</i> Российская антистарообрядческая государственно-конфессиональная парадигма 1666–1906 гг.	113
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Этнический и религиозный аспекты толерантности в Республике Тыва (по результатам социологического исследования)	122
<i>Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.</i> Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960 — середине 1970-х гг.	144

ДЛЯ АВТОРОВ	162
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2022 Vol. 27, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Sericov Yu. B.</i> Makhtylsky hill — an ancient sanctuary on the Sosva river.....	2
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Radovskiy S. S.</i> Horse burial of the early scythian period from the Carban terrain (North Altai).....	22
<i>Kotenkov S. A., Pilipenko S. A., Popov K. Yu.</i> A toothbrush from the ground burial Mayachnyy Bugor-I (historical and archaeological aspect and reconstruction)	34
<i>Yarkov A. P.</i> Archaeological research of Islamic monuments in Siberia.....	51

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kopilov I. V., Khomenko D. Yu.</i> Reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North at the end of the 19 th — beginning of the 20 th century (by the materials of missionary priests).....	70
<i>Stepanova O. B.</i> “All people are children of the great Korg”: the bear as the quintessence of archaic views on the animal in the worldview of the Selkups	85
<i>Ryblova M. A.</i> Cultural borrowings in the tradition don Cossacks.....	99

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Ilyin V. N.</i> Russian anti-old believer state-confessional paradigm of 1666–1906.....	113
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bichelday U. P., Mongush A. V.</i> Ethnic and religious aspects tolerance in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study)	122
<i>Dashkovskiy P. K., Ozhiganov A. N.</i> Atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s — mid-1970s.....	144
FOR AUTHORS	162

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93/94

DOI: 10.14258/nreur(2022)3-05

И. В. Копылов

Сибирский государственный университет науки и технологии им. М. Ф. Решетнёва,
Красноярск (Россия)

Д. Ю. Хоменко

Красноярский медицинский техникум (Красноярск, Россия)

РЕПРОДУКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЯЩЕННИКОВ-МИССИОНЕРОВ)

Статья посвящена репродуктивной стратегии коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. Под репродуктивной стратегией авторы понимают модель деятельности, направленной на удовлетворение потребности в детях.

В качестве доказательной базы используются материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., в качестве иллюстративных источников — делопроизводственная документация священников-миссионеров, работавших на Таймыре в указанный период, содержащая свидетельства, касающиеся особенностей заключения брака, отношения к детям, распределения мужских и женских обязанностей.

Опубликованные материалы переписи позволили оценить демографический состав населения Туруханского края. Выявлена демографическая молодость населения и преобладание мужчин в репродуктивных возрастах, а также экономическая несамостоятельность женщин.

Преобладающая репродуктивная стратегия народов Енисейского севера охарактеризована как пассивная, осуществляемая родительской семьёй и основанная на материальном критерии. Для неё было характерно рассмотрение брака как сделки жениха и родителей невесты, при которой последняя выступала в качестве «товара», покупаемого за калым. Женщина при этом играла пассивную роль. Основным институтом, посредством которого велся поиск брачного партнера, являлась родительская семья. Глав-

---

ным критерием выбора супруга являлось его материальное положение. Представители коренных народов стремились заключать браки в своей этнической среде.

Ключевые слова: репродуктивная стратегия, священники-миссионеры, Енисейский Север, коренные народы.

Цитирование статьи:

Копылов И. В., Хоменко Д. Ю. Репродуктивная стратегия коренных народов Енисейского Севера в конце XIX — начале XX в. (по материалам священников-миссионеров) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 3. С. 70–84. DOI: 10.14258/nreur(2022)3–05.

I. V. Kopylov

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk (Russia)

D. Yu. Khomenko

Krasnoyarsk Medical Vocational School, Krasnoyarsk (Russia)

**REPRODUCTIVE STRATEGY OF THE INDIGENOUS PEOPLES
OF THE YENISEI NORTH AT THE END OF THE 19TH —
BEGINNING OF THE 20TH CENTURY
(BY THE MATERIALS OF MISSIONARY PRIESTS)**

The article is devoted to the reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North in the late 19th — early 20th centuries. Under the reproductive strategy, the authors understand a model of activity aimed at meeting the need for children.

The materials of the First General Population Census of 1897 are used as an evidence base, as illustrative sources — office documentation of missionary priests who worked in Taimyr during the indicated period, containing evidence regarding the peculiarities of marriage, attitude towards children, distribution of male and female responsibilities.

The published census materials made it possible to assess the demographic composition of the population of the Turukhansk Territory. The demographic youth of the population and the predominance of men in reproductive ages, as well as the economic lack of independence of women, were revealed.

The predominant reproductive strategy of the peoples of the Yenisei North is characterized as passive, carried out by the parental family and based on material criteria. It was typical for it to consider marriage as a deal between the groom and the parents of the bride, in which the latter acted as a “commodity” bought for bride price. The woman played a passive role. The main institution through which the search for a marriage partner was conducted was

---

the parental family. The main criterion for choosing a spouse was his financial situation. Indigenous peoples sought to conclude marriages in their ethnic environment.

Keywords: reproductive strategy, missionary priests, Yenisei North, indigenous peoples.

For citation:

Kopilov I. V., Khomenko D. Yu. Reproductive strategy of the indigenous peoples of the Yenisei North at the end of the 19th — beginning of the 20th century (by the materials of missionary priests). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 3. P. 70–84.

DOI: 10.14258/nreur(2022)3–05.

Копылов Иван Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Сибирского государственного университета науки и технологии им. М. Ф. Решетнёва, Красноярск (Россия). **Адрес для контактов:** kopilov_ivan@mail.ru.

Хоменко Денис Юрьевич, преподаватель Красноярского медицинского техникума, Красноярск (Россия). **Адрес для контактов:** khomenko_denis@mail.ru.

Kopilov Ivan Vladimirovich, candidate of historical sciences, Senior Lecturer of the Department of History and Humanities of Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk (Russia). **Contact address:** kopilov_ivan@mail.ru.

Khomenko Denis Yur'evich, teacher of Krasnoyarsk Medical Vocational School, Krasnoyarsk (Russia). **Contact address:** khomenko_denis@mail.ru.

Введение

Согласно Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. целью государства является создание условий для роста населения, а задачами — повышения рождаемости и укрепление института семьи [Указ, 2014]. Это особенно актуально для малочисленных коренных народов, для которых устойчивые семьи — это фундамент не только для биологического, но и для социокультурного воспроизводства.

Для современной молодежи поиск и удержание жизненного партнера нередко становится проблемой (о чём свидетельствуют показатели разводимости, внебрачной рождаемости и численность одиночек), что актуализирует изучение наиболее эффективных моделей обзаведения семьей и поиска отца или матери для своих детей в историческом контексте. Изучение репродуктивного поведения в предшествующие эпохи позволит понять генезис его современных моделей, проанализировать их содержание, разделить в них современное и архаичное, способствующее реализации репродуктивных планов и препятствующее им.

Понятие «репродуктивное поведение» весьма неоднозначно, существует множество подходов к его дефиниции [Копылов, 2016]. В демографической истории, как правило, под ним понимают «систему действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [Народонаселение, 1994: 384–386]. Историкам с таким понятием

работать трудно, так как имеющиеся в распоряжении исследователя исторические источники очень редко позволяют адекватно оценить психическое состояние индивидов. В связи с этим в нашей статье мы рассматриваем не репродуктивное поведение в целом, а репродуктивные стратегии как модель деятельности (или поведение, в зависимости от степени осознанности), направленной на удовлетворение потребности в детях, которую можно изучить как при помощи статистики, так и за счёт анализа социально-экономических реалий рассматриваемого периода.

Анализ репродуктивных стратегий не включает в себя вопросы мотивации, психических состояний и отношений. В их основе лежит потребность в детях, которая, на наш взгляд, обусловлена как биологическими, так и социально-экономическими факторами¹, для изучения которых у исторической науки есть проверенный временем инструментарий. В сочетании с эволюционной психологией, которая позволяет выявить особенности поведения человека как биологического вида, в рамках междисциплинарного исследования есть возможность определить и объяснить господствующие в определенном исторический период модели обзаведения семьей, рождения и социализации детей, непосредственно связанные с удовлетворением потребности в детях.

Изучением коренных народов Приенисейского севера во второй половине XIX — начале XX в. начали заниматься ещё современники [Анучин, 1905; Кривошапкин, 1865; Третьяков, 1871; Рычков, 1914]. Их работы в основном носили эмпирический, описательный характер. Уделялось внимание быту, хозяйственным занятиям, духовной культуре коренных народов. Эти исследовательские традиции были продолжены в 1920-е гг. [Тугаринов, 1927; Островских, 1931; Доброва-Ядринцева, 1925]. Во второй половине XX в. советские этнографы (Б. О. Долгих [1963; 1976], В. И. Васильев [1963], Е. А. Алексеенко [1967], Л. В. Хомич [1966], Ю. Б. Симченко, И. С. Гурвич, В. А. Туголуков [Этническая, 1982] и др.) ставили и решали следующие научные проблемы: этногенез народностей Енисейского Севера, трансформации их общественного устройства, выявление дуальных экзогамных родов и пережитков матриархата, переход от родовой общины к соседской и т. д. При этом выявление и анализ репродуктивных стратегий коренных народов Енисейского Севера не становились предметом специального изучения.

Основным источником статистической информации стала Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., материалы которой активно используются исследователями демографической истории Сибири. Как отмечает В. А. Зверев, перепись 1897 г. дала наиболее достоверные сведения о населении всей страны, несмотря на некоторые недостатки учета [Зверев, 2014: 40]. Г. М. Афанасьева высоко оценила потенциал материалов переписи для изучения демографии нганасан, отметив, что «они дают возможность составить самые общие демографические характеристики нганасан на конец XIX в.: общая численность, количество мужчин и женщин, размер семьи» [Афанасьева, 1990: 102]. Представляется, что эта оценка может быть распространена на сведения переписи обо всех коренных народах Енисейского Севера.

¹ Потребность в детях так же, как и репродуктивное поведение, является дискуссионным понятием. См. например [Ильясов, 2013].

Для изучения заявленной проблематики необходимы источники, которые раскрывали бы распространённые модели межличностных отношений между полами. Исследователи испытывают дефицит источников, содержащих «прямую речь» представителей коренных народов, которая позволила бы выявить особенности репродуктивного поведения. Отчасти решить указанную проблему могут материалы священников-миссионеров, работавших на Таймыре в указанный период.

В 1871 г. в Красноярске был основан Енисейский епархиальный комитет Православного миссионерского общества (само общество основано в 1865 г.) [Вдовин, Выдрин, 2011: 97]. Целью комитета была христианизация коренных народов Приенисейского края. Для реализации поставленной цели ряд приходов в Енисейской епархии были объявлены миссионерскими, в том числе расположенные на Енисейском Севере. Приходские священники-миссионеры вели делопроизводственную документацию, которая отложилась в фонде комитета в Государственном архиве Красноярского края. Комитет существовал до революции 1917 г., поэтому хронологические рамки статьи ограничены 1871–1917 гг.

Документация миссионеров не имела строго формуляра: отчёты и рапорты составлялись в свободной форме. В богослужебных и путевых журналах указывались даты и события, произошедшие в этот день: перемещения из одного населённого пункта в другой, количество совершённых таинств. Одни миссионеры ограничивались служебной информацией, другие — включали дополнительные сведения: описания шаманских обрядов, одежды, орудий труда, семейно-брачных отношений, особенностей духовной культуры коренных народов и т. д. Представляется, что потенциал этих материалов еще недостаточно полно используется исследователями этнической истории Енисейского Севера, несмотря на появление специфических работ в данном направлении [Полханова, 2014].

Следует учитывать, что священники, конечно, были предвзятыми наблюдателями. В первую очередь их интересовало отношение «инородцев» к православию. Их оценки состояния брачно-семейных отношений у различных народов напрямую связаны со степенью воцерковлённости коренных жителей. Поэтому в настоящей статье мы стремимся использовать не оценочную, а фактическую информацию из материалов священников-миссионеров.

Численность и половозрастная структура

Общепризнанно, что основным занятием коренных народов Енисейского Севера было присваивающее хозяйство: охота и рыболовство. Оленеводство носило транспортный характер. Модернизационные процессы затрагивали «инородческую среду», прежде всего в форме экономических контактов с русским населением. Так, в долине Енисея коренное население вовлекалось в кабальную зависимость от рыбопромышленников-пароходовладельцев, и рыболовство там носило, несомненно, товарный характер. Однако эти процессы затронули только некоторые народы [Хоменко, 2017]. Таким образом, мы можем охарактеризовать этап общественно-экономического развития Енисейского Севера как доаграрный.

В изучаемый период на территории Туруханского края проживали представители следующих народов: эвенков (тунгусов), якутов, долган, селькупов (остяко-самоедов), кетов (енисейских остяков), энцев и нганасан (самоедов), ненцев (юраков). В переписи 1897 г. их учёт был произведён по родному языку. Ею были зафиксированы 9394 человека, которые обозначили родной язык как тунгусский, самоедский, енисейско-остяцкий или якутский (табл. 1). Из них на долю мужчин приходилось 52,4%.

Таблица 1

**Распределение народов Енисейского Севера по языку, полу
и состоянию в браке, чел.***

Язык	Всего	Мужчины				Женщины			
		всего	состоящие в браке	холостые	вдовы	всего	состоящие в браке	незамужние	вдовы
Тунгусский	2948	1545	448	1034	61	1403	435	826	142
Самоедский	3272	1740	607	1070	63	1532	603	753	172
Енисейско-остяцкий	993	538	193	314	31	455	195	223	37
Якутский	2181	1097	371	686	40	1084	599	389	96

*Составлено по: [Первая..., 1904: 54, 55, 98].

Более высокую численность мужчин можно объяснить их ролью в производстве. Так как мужчины играли ключевую роль в получении экономических благ у этих народов, живших за счёт охоты и рыболовства, рождение мальчика было более желанным, чем рождение девочки, возможно, как это нередко бывает у народов, находящихся на доаграрной стадии развития, уход он получал более качественный. Вдобавок раннее вступление в брак девушек и отсутствие контрацепции увеличивало риск их смерти из-за родов в возрасте до 18 лет или подрывало их здоровье, что приводило к смерти в дальнейшем (особенно в условиях отсутствия системы родовспоможения). Также стоит отметить, что есть вероятность того, что у изучаемых народов мужчин недоучитывали в силу кочевого образа жизни [Патканов, 1906].

Важнейшей характеристикой естественного движения и, следовательно, репродуктивных стратегий является доля лиц в репродуктивном возрасте. «Дефицит» потенциальных супругов в конкретной возрастной группе существенно затрудняет его поиск, «избыток» — усиливает конкуренцию и половой отбор. Наиболее активно в репродуктивном плане было население в возрасте с 20 до 49 лет. Их доля у тунгусов составила 39,8%, у самоедов — 43,4%, у остяков — 40,8%, у якутов — 40,8% (рассчитано по таблице 2).

Таблица 2

Распределение народов Енисейского Севера по полу и возрасту, чел.

Возраст, лет	Тунгусы		Самоеды		Енисейские остяки		Якуты	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего, из них	1545	1403	1740	1532	538	455	1097	1084
младше одного года	45	33	46	40	11	13	25	25
1–9	423	363	388	338	106	103	284	274
10–19	316	291	346	252	122	84	242	229
20–29	296	252	327	289	89	92	187	188
30–39	195	187	243	216	62	55	149	153
40–49	124	121	179	166	60	48	107	107
50–59	79	57	101	96	49	31	61	51
60 и более	67	99	110	135	39	29	42	57

* Составлено по: [Первая..., 1904: 74–77].

Исходя из имеющихся данных, в обозначенных возрастах среди всех рассматриваемых народов наблюдался дисбаланс полов: мужчины преобладали практически во всех возрастах (кроме населения старше 60 лет). Статистика свидетельствует, что молодые мужчины могли испытывать определенные трудности в поисках невесты среди представителей своего народа.

Подтверждением этого могут служить относительно частые случаи близкородственных браков среди коренного населения Енисейского Севера. Подобные факты указаны в отчёте священника Тазовской Николаевской церкви за 1902 г. В том числе приводится вопиющий, с точки зрения священника, случай: «2 брата родные держат 2-х родных сестёр ... имея детей, не хотят разойтись, а просят их повенчать» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 3]. В Ессейском приходе среди тунгусов «возмутительные случаи кровосмешения в среде родной семьи» также имели место [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 6]. Катехизатор Тазовской Николаевской церкви диакон Григорий Мелентьев отмечал примеры «внебрачных сожительств, без церковного благословения, между родственниками» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 103: 4 об.]. Существование близкородственных браков может объясняться тем, что «инородцы» стремились жениться и выходить замуж в пределах своего этноса. В условиях отмеченного выше дефицита невест молодые люди не искали будущих жён «на стороне»: в других этносах или среди русского населения, а были вынуждены жениться на близких родственниках.

Согласно шкале Ж. Боже-Гарнье и Э. Россета, народы Енисейского Севера в 1897 г. находились на уровне демографической молодости, так как доля лиц старше 60 лет не превышала 8% (табл. 2). У тунгусов это показатель составлял 5,63%, самоедов — 7,48%, остяков — 6,84%, якутов — 4,53%. Это свидетельствует о высоком репродуктивном потенциале этих народов, реализация которого зависела от социально-экономической ситуации.

У тунгусов и самоедов мужчины преобладали во всех репродуктивных возрастах, у енисейских остяков во всех, кроме 20–29 лет. У якутов возрастная структура была наиболее сбалансированной и максимально приближена к оптимальной для воспроизводства конфигурации половозрастного состава.

Матримониальное поведение народов Енисейского Севера

В официальном браке у тунгусов не состояло 71,1% мужчин (включая детей) и 69,0% женщин. У самоедов — 81,4 и 60,6%, у остяков — 80,5 и 51,7% мужчин и женщин соответственно (рассчитано по таблице 1). Можно предположить, что во многом это было обусловлено нежеланием или отсутствием возможности зарегистрировать брак в церкви. Возможно, у народов Енисейского Севера господствовал неофициальный брак, заключенный по местным традициям, регулируемый нормами обычного права.

Материалы священников-миссионеров позволяют более подробно осветить вопрос о неофициальном браке и его причинах. Священник Тазовской Николаевской церкви Михаил Суслов (в будущем — благочинный церковью Туруханского края) в рапорте предположительно за 1877 г. указывал, что среди остяцкого населения «венчание браков не признаётся за необходимое». Вместе с тем сожителство без заключения законного церковного брака часто влекло за собой значительные проблемы: сожители-мужчины позволяли себе насилие в отношении женщин, «тогда как этого между браками законными доселе не было замечено». Ещё одной опасностью было отсутствие при сожителстве необходимости в процедуре расторжения брака, как следствие, мужчины, пожив несколько месяцев, бросали своих партнёрш [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14: 87об.-88].

К началу XX в. ситуация с внебрачными сожителствами в Тазовском приходе принципиально не изменилась. Очередной настоятель отмечал факты сожителства родных братьев и сестёр и рождения у них детей [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 2об.-3].

Впрочем, не всегда коренные жители относились к заключению законного брака столь халатно. Так, в том же Тазовском приходе М. Суслов в 1877 г. зафиксировал в путевом журнале свой диалог с женатым юраком. На вопрос священника о том, венчан ли он с женой, юрак с возмущением ответил: «Венчан, как не венчан! Погана баба, как жить буду?» Священник поясняет, что «погаными» юраки называли некрещёных и сожителниц без церковного брака [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14: 153 об.].

Возникает вопрос о причинах внебрачных сожителств. Было ли это проявлением неуважения к православной религии, принципиальной позицией коренных жителей, или же причины были бытовыми? Священник Верхнее-Инбацкой Успенской церкви Михаил Прозоровский в своём отчёте за 1902 г. указывал, что сожители «при встрече со священником от совершения над ними таинства брака не уклоняются» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 8]. Миссионеры объясняли сожителство отдалённостью и малочисленностью церквей и редкими приездами священников, что не давало возможности заключить законный брак. В отчёте за 1900 г. священника помянутой Тазовской Николаевской церкви Фёдора Овчинникова: «Среди инородцев господствует обычай брачного сожителства без церковного благословения, причины к тому служат удаленность их от церкви и благодаря плохим путям их сообщения» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 122]. Ему вторил катехизатор Дудинского Хатангского прихода иеромонах Ма-

карий (в миру — М. Суслов): «Таинство брака признают все инородцы без исключения, но в силу невозможности освятить его благословением церкви, по отдаленности от приходских церквей и священников — живут невенчанными по нескольку лет» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 113: 5об.-6].

Однако указанные выше причины были не единственными. В материалах священников-миссионеров встречаются указания на уплату калыма «инородцами» при вступлении в брак. Существование данной практики служит показателем пассивной роли женщины в репродуктивных стратегиях. Священник Дудинской Введенской церкви Александр Перепёлкин в своём отчёте за 1898 г. писал, что «причиной не венчанной жизни, обыкновенно бывает несостоятельность жениха уплатить известный „калым” (выкуп) за свою будущую жену, простирающийся иногда до очень высоких размеров» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 100об.]. По сообщению А. Перепёлкина, жених брал невесту «в рассрочку»: сожительство продолжалось до тех пор, пока калым не был выплачен или отработан в хозяйстве будущего тестя. Только после этого назначалось венчание.

Практики выплаты калыма, как и его размер, были различными. М. Прозоровский в 1902 г. называл размер калыма у остяков — от 10 до 50 рублей, «смотря по состоянию жениха — материальному, и невесты — нравственному» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 104: 8]. Калым выплачивался в денежной, а не натуральной, форме. Этот факт говорит в том числе и о вовлечённости остяков в товарно-денежные отношения. Что не удивительно, поскольку проживавшие в долине Енисея остяки в конце XIX — начале XX в. активно вовлекались в рыболовную промышленность [Хоменко, 2017]. В долине реки Таз, где население не было вовлечено в товарно-денежные отношения, калым «платят большей частью оленями и белками», как писал в своём отчёте Г. Мелентьев [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 103: 5об.].

В безымянном отчёте по Ессейскому приходу за 1895 г. отмечается, что все «инородцы», проживающие в приходе (и тунгусы, и якуты), практиковали калым. Но если у тунгусов его размер регламентируется «личной сделкой между отцом невесты и женихом», то в среде якутов у невест «не отымается права голоса в выборе себе жениха» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 6, 13]. Таким образом, если для тунгусов женщина представляет собой своеобразный товар, который отец продаёт жениху, то отношение к женщинам в якутском обществе было на порядок уважительней. Впрочем, как отмечалось выше, священники были пристрастными наблюдателями и часто описывали быт и жизнедеятельность тунгусов и ессейских якутов на контрасте: якуты всегда выигрывают на фоне тунгусов. Однако сами священники не скрывают, и ставят ессейцам в заслугу их искреннее, глубоко серьёзное отношение к православной религии, соблюдение православных требований. В то время как тунгусы отнесены священниками к категории «плохих» христиан. Не исключено, что священники сгущали краски в отношении тунгусов и смотрели сквозь «розовые очки» на якутов для того, чтобы подчеркнуть благочестивость последних.

Если исходить из переписи населения, то можно констатировать практически полное отсутствие официальных разводов. Это скорее свидетельствует об отсутствии возможности разорвать брак, чем о свободе в брачном поведении. В переписи у тунгусов Енисейского Севера зафиксирован всего один развод.

Перепись зафиксировала достаточно значимое количество вдовых женщин у тунгусов и самоедов. Их число превышало аналогичный показатель у мужчин в 2,32 и 2,73 раза соответственно. Несмотря на отсутствие статистики, исходя из универсальных особенностях процесса старения, мы можем объяснить это более высокой продолжительностью жизни женщин (это подтверждается тем, что число женщин старше 60 лет у народов Енисейского Севера превышало число мужчин в этом возрасте в 1,21 раза), а также биологически обусловленной более высокой смертностью мужчин от болезней и несчастных случаев.

Влияние экономического положения полов на репродуктивную стратегию коренных народов Енисейского Севера

Характеризуя институт семьи у народов Енисейского Севера, необходимо отметить, что не все мужчины могли обеспечить себе самостоятельное хозяйство. Так, у тунгусов только 50,5% всех мужчин жили самостоятельно, у самоедов — 56,2%, у остяков — всего лишь 44,4% (рассчитано по: [Первая, 1904: 131]). Это свидетельствует о том (даже с учетом стариков и детей), что мужчина в трудоспособном возрасте не всегда мог обеспечить себя и свою семью, следовательно, сохранялась зависимость от родительской семьи.

Женщины, как свидетельствует перепись, практически не обладали экономической самостоятельностью. У тунгусов 89,6% всех женщин являлись членами семей (т.е. жили вместе с родительской семьей или вместе с мужем), у самоедов — 93,0%, у остяков — 90,3% (рассчитано по: [Первая, 1904: 131]). Как отмечалось выше, женщины играли второстепенную роль в общественном разделении труда, занимаясь важными, но не ключевыми работами в домашнем хозяйстве. Производством важнейших экономических благ (охотой и рыболовством) занимались мужчины. Следовательно, фундамент для какой-либо экономической, а соответственно, социальной самостоятельности у женщин отсутствовал, и их репродуктивная стратегия являлась пассивной: их матримониальное поведение определялось прежде всего волей родителей или иных родственников.

Нередко к женщинам относились как к товару. Подтверждая этот тезис, священник Ессейского прихода Павел Попов писал в 1900 г., что женщина «является рабыней мужа, купеной за калым, и существом ... нечистым» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 152 об.]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что родительская семья, прежде всего отец, определяли матримониальное поведение молодых.

На подчинённое и подчас бесправное положение женщин в хозяйстве тунгусов обращал внимание автор безымянного отчёта за 1895 г.: «Отец обыкновенно считается главою семейства, от которого зависит управление хозяйством, мать же и дети, и особенно дочери, находятся почти на правах рабочих; при этом большая часть работы лежит на обязанностях женщин» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 6]. Контрастно описано положение женщин у якутов: «У жессейского (так в тексте. — *И. К., Д. Х.*) якута труд разделяется более или менее правильнее», — отмечал в 1900 г. П. Попов [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 156 об.].

М. Суслов в путевом журнале 1880 г. достаточно подробно описал положение женщин в домашнем хозяйстве юраков и самоедов. Он указывал, что «все работы возложе-

ны на женщин; мужчина не знает никакого труда кроме пушного промысла, да и тут все принадлежности, исключая оружия, изготавливаются женскими руками. Начиная с чума из оленьих шкур отлично выделанных и сшитых и до обуви каждого семьянина, от хозяйственных принадлежностей до полена дров, до лучины — все приготавливается женщинами». Такое тяжелое, в том числе физически, положение женщин-«инородок» приводило к неожиданному последствию: часто жёны предлагали мужьям жениться вторично с целью заполучить дополнительные женские рабочие руки [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 16: 92 об.].

Касательно степени свободы нравов в целом у коренного населения Енисейского Севера священники приводят противоречивые свидетельства. Г. Мелентьев отмечал, что «отношения между полами, большей частью, отличаются чистотою: как лица, состоящие в законном супружестве, так равно и лица, внебрачносожительствующие, соблюдают взаимную верность, а юноши и девицы — целомудрие» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 103: 6 об.]. А. Перепёлкин, напротив, отмечал, что измены в условиях сожительства случались, «но это у инородцев большого внимания не заслуживает, разве только живой товар в цене упадет; но при известном результате бывшей плотской связи и этого не бывает, так как этим доказывается плодовитость женской особы, что имеет у инородцев, в общем очень чадолубивых, большую цену» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 80: 100 об.]. Это свидетельствует о том, что при реализации мужской репродуктивной стратегии одним из важных критериев выбора будущей супруги была возможность иметь детей и наличие определенного опыта.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что для наиболее распространённой у народов Енисейского Севера репродуктивной стратегии характерны следующие особенности, проистекавшие из социально-экономических реалий доаграрного общества, основанного на преимущественно присваивающем хозяйстве. Во-первых, преобладание родительской семьи в качестве института, определяющего матримониальное поведение, и пассивная роль женщин, что подтверждается их экономической несамостоятельностью и существованием калыма. Во-вторых, поиск потенциального партнера и отца (матери) детей вёлся в сравнительно замкнутой этнической и социальной общности. Об этом свидетельствует распространённость близкородственных браков в условиях «дефицита» невест, вызванного преобладанием мужчин. В-третьих, преобладание в качестве основного критерия для выбора супруга его материального благополучия (возможность уплатить калым). В-четвертых, регламентация порядка заключения брака и имущественных отношений осуществлялась нормами обычного права. В-пятых, преобладание моногамии при сохранении случаев двоеженства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Е. А. Кеты: историко-этнографические очерки. Л. : Наука, 1967. 262 с.
Анучин В. И. Предварительный отчёт по поездке к енисейским осякам в 1905 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1906. Т. 6. С. 38–50.

Афанасьева Г. М. Традиционная система воспроизводства нганасан: проблемы репродукции обособленных популяций. Ч. 1. М., 1990. 360 с.

Васильев В. И. Лесные энцы // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 33–70 (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 84).

Вдовин А. С., Выдрин Е. В. К истории Енисейского комитета Православного миссионерского общества // Енисейский Север: история и современность. Вып. 1. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. С. 96–108

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 667. Оп. 1.

Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края: опыт исследования экономического положения. Новониколаевск : изд. Сиб. ревкома, 1925. 80 с.

Долгих Б. О. Образование современных народностей Севера СССР // Советская этнография. 1976. № 3. С. 3–15.

Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 92–141 (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 84).

Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.

Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 1. С. 168–177.

Копылов И. В. Проблема понятия «репродуктивное поведение» в отечественной исторической демографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2016. С. 245–253.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Красноярск: тип. В. Безобразова и комп., 1865. 68 с.

Народонаселение: энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1994. 608 с.

Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/

Островских П. Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX века // Советский Север. 1931. № 3–4.

Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 31. Ч. 1: Тунгусы собственно. Вып. 1. СПб. : Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1906. XII. 83 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 73: Енисейская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. 185 с.

Полханова О. А. Дневники миссионеров Русской православной церкви как источник изучения этнографии коренных народов Енисейской губернии (середина XIX — начало XX в.) // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск : Резонанс, 2014. С. 240–244.

Рычков К. М. Путевые наброски из скитальческой жизни с тунгусами // Сибирский архив. 1914. № 7/8. С. 319–323.

Третьяков П. И. Туруханский край: его природа и жители. СПб. : типография В. Безобразова и комп., 1871. 316 с.

Тугаринов А. Я. Туземцы Приенисейского севера. Красноярск: издание бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества, 1927. 14 с.

Хоменко Д. Ю. Коренное и русское население Енисейского Севера во второй половине XIX — начале XX века в свете проникновения капиталистических отношений // Технология развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность : материалы Международной науч.-практ. конф. Красноярск : КрасГАУ, 2017. С. 206–211.

Хомич Л. В. Ненцы: историко-этнографические очерки. М. ; Л. : Наука, 1966. 329 с.
Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. 269 с.

REFERENCES

Alekseenko E. A. *Kety: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kety: historical and ethnographic essay]. L. : Nauka, 1967. 262 s. (in Russian)

Anuchin V. I. *Predvaritel'nyj otchyot po poezdke k enisejskim ostyakam v 1905 g.* [Preliminary report on a trip to the Yenisei Ostyaks in 1905]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. SPb, 1906. Vol. 6. S. 38–50 (in Russian)

Afanas'eva G. M. *Tradicionnaya sistema vosпроизводства nganasan: problemy reprodukcii obosoblennyh populyaci. Ch. 1* [The traditional system of reproduction of nganasan: problems of reproduction of isolated populations. Vol. 1]. M., 1990. 360 s. (in Russian)

Vasilev V. I. *Lesnye ency* [Forest Encies]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Moscow, 1963. Vol. 5. S. 33–70 (in Russian).

Vdovin, A. S., Vydrin, E. V. *K istorii Enisejskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva* [To the history of the Yenisei Committee of the Orthodox missionary society] *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost. Vip. 1* [Yenisei North: history and modernity. Vol. 1]. Krasnoyarsk, 2011. S. 96–108 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK). [State archive of the Krasnoyarsk region]. Fund 667. Inventory 1. (in Russian).

Dobrova-Yadrinceva L. N. *Tuzemcy Turukhanskogo kraja: opyt issledovaniya ekonomicheskogo polozheniya* [The natives of the Turukhansk region: the experience of studying the economic situation]. Novonikolaevsk : izd.Sib.rev.koma, 1925. 80 s. (in Russian).

Dolgih B. O. *Obrazovanie sovremennyh narodnostej Severa SSSR* [Formation of modern nationalities of the North of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1976, no. 3. S. 3–15 (in Russian).

Dolgih B. O. *Proiskhozhdenie dolgan* [Origin of Dolgan]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Moscow, 1963. Vol. 5. S. 92–141 (in Russian).

Zverev V. A. *Lyudi detnye: vosпроизводство naseleniya sibirskoj derevni v konce imperskogo perioda* [Detny people: reproduction of the population of the Siberian village at the end of the Imperial period]. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2014. 278 s. (in Russian).

Il'yasov F.N. Potrebnost' v detyah i reproduktivnoe povedenie [Need for children and reproductive behavior]. *Monitoring obshchestvennogo mneniy*. [Monitoring of public opinion]. 2013, no. 1. S. 168–177 (in Russian).

Kopylov I.V. Problema ponyatiya “reproduktivnoe povedenie” v otechestvennoj istoricheskoy demografii [The problem of the concept of “reproductive behavior” in Russian historical demography]. *Aktual'nye problemy istoricheskoy issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical problems of historical research: the view of young scientists]. Novosibirsk, 2016. S. 245–253 (in Russian).

Krivoshapkin M.F. *Enisejskij okrug i ego zhizni* [Yenisei District and its life]. Krasnoyarsk, V. 378, 188, 68 s. (in Russian).

Narodonaselenie: entsiklopedicheskiy slovar' [Population: encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1994. 608 s. (in Russian).

Ostrovskih P.E. Baishenskie “ostyaki” (ostyako-samoedy) Turuhanskogo kraja v konce XIX veka [The Bayishen “ostyaks” (Ostyako-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the XIX century]. *Sovetskij Sever* [The Soviet North]. 1931. № 3–4 (in Russian).

Patkanov S. Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri na osnovanii dannyh perepisi naseleniya 1897 g. i drugih istochnikov [The experience of geography and statistics of the Tunguska tribes of Siberia based on the data of the population census of 1897 and other sources]. *Zap. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo o-va po otd-niyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography]. Vol. 31. SPb, 1906. XII. 83 s. (in Russian).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897. T. 73. Enisejskaya guberniya [The first general Population census of the Russian Empire in 1897. Vol. 73. Yenisei province]. SPb. : Izd-vo Central'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1904. 185 s. (in Russian).

Polhanova O.A. Dnevniki missionerov Russkoj pravoslavnoj cerkvi kak istochnik izucheniya etnografii korennykh narodov Enisejskoj gubernii (seredina XIX — nachalo XX v.) [Diaries of missionaries of the Russian Orthodox Church as a source of study of Ethnography of indigenous peoples of Yenisei province (mid XIX — early XX century)]. *Sociokul'turnoe osvoenie Sibiri : materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma* [Socio-cultural development of Siberia: materials of the Siberian historic forum]. Krasnojarsk, 2014. S. 240–244 (in Russian).

Rychkov K.M. Putevye nabroski iz skital'cheskoj zhizni s tungusami [Travel sketches from a wandering life with the Tungus]. *Sibirskij arhiv* [Siberian archive]. 1914, no. 7/8. S. 319–323 (in Russian).

Tret'yakov P.I. *Turuhanskij kraj: ego priroda i zhiteli* [Turukhansky region: its nature and inhabitants]. SPb, 1871. 316 s. (in Russian).

Tugarinov A.Ya. *Tuzemcy Prienisejskogo severa* [Natives of the Yenisei North]. Krasnoyarsk, 1927. 14 s. (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 N 1351 (red. ot 01.07.2014) “Ob utverzhdenii Konceptii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” [The decree of the President of the Russian Federation of 09.10.2007 N 1351 (edition of 01.07.2014) “About the approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025”] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (accessed: 15.04.2018) (in Russian).

Khomenko D. Yu. Korennoe i russkoe naselenie Enisejskogo Severa vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka v svete proniknoveniya kapitalisticheskikh otnoshenij [Indigenous and Russian population of the Yenisei North in the second half of XIX-early XX century in the light of the penetration of capitalist relations]. *Tehnologija razvitija social'nyh, jekonomicheskikh i logisticheskikh processov Arkticheskoy zony Rossii: istorija i sovremennost'* [Technology of development of social, economic and logistic processes in the Russian Arctic: history and modernity]. Krasnojarsk, 2017. S. 206–211 (in Russian).

Homich L. V. *Nency: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nency: historical and ethnographic essays]. Moscow : Nauka, 1966. 329 s. (in Russian).

Etnicheskaya istoriya narodov Severa [Ethnic history of the peoples of the North]. Moscow : Nauka, 1982. 269 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 30.01.2022.

Принята к публикации 12.05.2022.

Дата публикации 30.09.2022.